

Глава 72. Горечь разлуки

За два дня гласности и агитации им удалось собрать двести двадцать три человека. После первого же отбора, отсеяв несколько десятков откровенно хворых и тех, чьё здоровье было подорвано пьянством и распутством, осталось ровно двести новобранцев.

Этих людей разделили на четыре отряда. Коу Цзин поначалу хотел назвать их без затей — «Цзя», «И», «Бин» и «Дин», — но Чу Цы счёл, что для свежести восприятия требуются более оригинальные названия. Так на свет появились группы «Летающий тигр», «Яростный лев», «Свирепый медведь» и «Гордый волк». Каждый класс был поручен отдельному инструктору, и никто не хотел ударить в грязь лицом на итоговых учениях, которые должны были состояться на седьмой день. Поэтому наставники, засучив рукава, взялись за дело со всем усердием.

В древних военных лагерях существовали свои методы подготовки, но Чу Цы, опираясь на опыт современных тренировочных центров, внёс некоторые усовершенствования. Когда дело доходило до использования снарядов нового образца, ему приходилось выступать в роли консультанта.

Благодаря протекции Коу Цзина, Чу Цы теперь мог входить и выходить из уездного училища гораздо свободнее, чем прежде, вызывая зависть и негодование других учеников. Почему им по-прежнему приходилось ждать дней новолуния и полнолуния, чтобы выбраться наружу?

— Быстрее! Чего уставились? — Чжун Бао, сжимая в руке кнут, сверлил взглядом мужчин, нарезавших круги по полю.

Каждый из них, сгибаясь под тяжестью привязанных к спинам кирпичей, из последних сил передвигал ноги. Казалось, силы иссякли полностью, но стоило кнуту мелькнуть рядом, как откуда-то брались новые.

Палящее солнце нещадно било в глаза, заставляя щуриться. Пот, выступивший на лбах, стекал по подбородкам и капал на землю.

— Стой! Отдых на одну чашку чая!

Этот голос прозвучал как музыка небес. Измученные мужчины, словно ожив, замедлили шаг, но не решились лечь прямо на землю — таков был приказ наставника. Управляющий Сюй тут же распорядился поднести охлаждённый отвар из зелёных бобов, чтобы все могли утолить жажду и немного остыть.

Такой метод кнута и пряника, хоть и применялся всего три дня, уже приносил свои плоды.

— Отряд «Летающий тигр»! Сбор!

Услышав команду, все мгновенно отставили миски, молниеносно выстроились в шеренгу и за несколько вдохов вновь превратились в единый, слаженный строй.

— Следующее упражнение — скалолазание. Соревнуемся в эстафете с теми сопляками из «Свирепого медведя». Если кто-то отстанет... — Чжун Бао обвёл напряжённые фигуры парней опасным взглядом и медленно закончил: — Будет стирать носки за весь отряд!

При мысли о таком «жестоком» наказании все внутренне содрогнулись, но на лицах не дрогнул ни один мускул. Чжун Бао невольно восхитился этой, как её называли, «военизированной подготовкой». Дисциплина и порядок — то, что нужно для обучения новобранцев.

Полоса для скалолазания была оборудована на крутом склоне высотой около пяти метров. Внизу была вырыта глубокая песчаная яма, чтобы избежать тяжёлых травм при падении.

Чжун Бао и Доу Бин обменялись взглядами, полными боевого задора. Раз уж наставники были так настроены, то и их подопечные не уступали им в соперничестве. Ван Цюань и Ху Цзюнь не вели группы, а выступали в роли судей и следили за порядком.

По сигналу обе команды ринулись вперёд. Цепляясь руками за деревянные выступы, они отчаянно карабкались вверх. Один боец сменял другого. Если кто-то двигался медленнее, его не упрекали — с обеих сторон неслись крики поддержки, один громче другого. Все были охвачены азартом и желанием победить, не жалея сорванных голосов.

После тренировки был ужин, который обеспечивал управляющий Сюй. Подавали капусту, тушённую с большими кусками жирного мяса. Каждому полагалось две ложки риса и одна — овощей. Порции были огромными, и все, от командиров до рядовых, ели одно и то же.

Некоторые господа, которых сюда силком отправили старшие, поначалу только и делали, что жаловались. Но после нескольких взысканий они стали такими же, как все. Даже эта еда, которую они раньше считали свиными помоями, теперь казалась им необычайно вкусной.

Дневные тренировки были разнообразны, но и ночные мероприятия не отставали. Каждый вечер после ужина все четыре отряда собирались на тренировочном поле и рассаживались в большой круг.

Наставники по очереди делились своими воспоминаниями о битвах, рассказывали забавные случаи из армейской жизни или истории о быте и нравах разных мест, где им доводилось бывать во время смены гарнизонов.

Большинство новобранцев никогда не покидали пределов уезда Юаньшань, и их кругозор был крайне ограничен. Рассказы воинов поражали их воображение, и каждый мечтал сам пережить

подобное, а не провести всю жизнь в маленьком уездном городке.

После историй командиры демонстрировали свои таланты. В основном это были приёмы кулачного боя или владение палкой, но толпа всё равно смотрела, затаив дыхание.

Первые пару дней выступали только наставники, но потом и ученики начали делиться своими историями. В эти моменты социальное положение, происхождение или внешность теряли всякое значение. Все сидели здесь на равных, никто не чувствовал себя выше или ниже другого.

Каждый вечер завершался общим пением песни «Нет одежды». Ничто не могло выразить дух товарищества лучше, чем эти древние строки.

Семь дней пролетели как один миг.

На седьмой день состоялись итоговые учения. Каждый был полон решимости принести своему отряду победу. Один когда-то изнеженный юноша, пробираясь сквозь сеть из колючего терновника, в кровь разодрал руки, но упрямо полз вперёд. Этот поступок заслужил всеобщее одобрение, а чувство единения, когда соратники заключили его в объятия, он запомнил на всю жизнь.

Вечером их ждал праздничный ужин, гораздо лучше, чем в предыдущие дни. Некоторые, простые и прямодушные, с аппетитом набросились на еду. Другие же, более чувствительные, не могли проглотить и куска.

На восьмой день, когда прокричали петухи, многие, проснувшись, ощутили странное чувство. За всю неделю они ни разу не спали так крепко, не просыпаясь по два-три раза за ночь, как это бывало прежде.

— Общий сбор!

Услышав команду, их тела сработали быстрее разума. Через мгновение все уже стояли в ровных шеренгах.

— Семь дней пролетели незаметно. Наверняка вы соскучились по своим родным. После утреннего занятия ворота лагеря откроются, и вы сможете собрать вещи и отправиться домой, — как главный инструктор, Коу Цзин выступил с заключительной речью.

Не давая им времени предаться сантиментам, он громко скомандовал:

— Разойдись! По местам! Начали!

Все слаженно принялись выполнять разученные комплексы кулачного боя. Каждое движение рук и ног было отточено и выполнялось с большим усердием, чем когда-либо прежде. Некоторые пытались двигаться медленнее, желая продлить этот миг, но строгий взгляд командира тут же заставлял их вернуться в общий ритм.

— Сегодня мы прощаемся, и кто знает, когда увидимся вновь! Мы провели вместе семь дней. Желаю вам светлого будущего, мира и благополучия, — закончил Коу Цзин и передал слово наставникам.

— Сопляки, смотрите не забудьте слишком быстро то, чему мы вас учили! — сказал Чжун Бао.

— А не то будете стирать носки за всех! — подхватил Доу Бин.

— Путь далёк, берегите себя и не забывайте... — начал Цянь И.

— ...что вы были боевыми товарищами! — закончил Сюй Линь.

— У-а-а-а! — раздался дружный рёв, и крепкие мужчины зарыдали, не стесняясь ни слёз, ни соплей. За эти семь дней их отношение к лагерю изменилось. Первые дни тянулись мучительно долго, и они проклинали всё на свете. Но под конец каждый день они молились, чтобы время шло медленнее.

Но как бы медленно ни текло время, момент расставания всё равно наступил. Жизнь полна разочарований, и горечь разлуки — одно из них.

Высокие ворота лагеря медленно отворились. Выходя, толпа внезапно остановилась и в один голос затянула «Нет одежды».

— Как сказать, что нет одежды? У меня с тобой одна рубаха...

— Как сказать, что нет одежды? У меня с тобой одно исподнее...

— Как сказать, что нет одежды? У меня с тобой одно платье...

Инструкторы отвернулись, украдкой утирая слёзы.

— Чего ревете? Завтра половина из вас вернётся, — не выдержал Ху Цзюнь, которому надоело смотреть на их безобразные заплаканные лица.

Он уже успел провести разведку: помимо нескольких десятков человек, которых они завербовали ранее, ещё сто тридцать-сорок новобранцев выразили желание пойти в армию. Даже если отсеять тех, кому не удастся уговорить родных, останется не меньше сотни.

В тот день, когда ученики вернулись домой, почти в каждом доме звучала одна и та же фраза:

— Дед! Отец! Матушка! Я хочу пойти в армию!

Коу Цзин сидел на коне, не сводя глаз с городских ворот.

— Сотник, нам пора отправляться, — сказал Ван Цюань. — Если мы выедем сегодня, то как раз успеем вернуться в лагерь в последний день срока.

Коу Цзин кивнул и, развернув коня, уже собирался отдать приказ выступать, как вдруг сзади раздался крик:

— Почтенный брат Мочжи!

Он тут же спешил и быстрыми шагами пошёл навстречу.

Чу Цы бежал, задыхаясь. Его обычно аккуратная одежда и причёска были в беспорядке, а лицо покраснелось.

— Почтенный брат Мочжи... наконец-то... я успел...

Коу Цзин поддержал его, одной рукой помогая отдышаться.

— Я же просил тебя не приходить. Зачем ты прибежал?

Сотня с лишним воинов позади него скривились. Какое к чёрту «не приходи»! Просил не приходить, а сам так долго и выжидающе смотрел на дорогу, что все подумали, будто сюцай обещал прийти и опаздывает.

Чу Цы, отдышавшись, улыбнулся.

— Как я мог не прийти? Провожая лучшего друга. Даже если бы впереди были горы мечей и море огня, я бы всё равно пришёл проводить тебя.

Он подошёл к иве у дороги и, мысленно извинившись, отломил ветку.

— «Да не забудется наша дружба, ломаю зелёную ветвь ивы». Сегодня я, подобно древним, провожаю тебя ивовой ветвью и надеюсь на скорую встречу, почтенный брат Мочжи.

Коу Цзин молча взял подарок и спрятал за пазуху.

— Младший брат Цы, береги себя! Буду ждать тебя в области Янсинь.

— Почтенный брат Мочжи и все доблестные воины, берегите себя! — ответил Чу Цы.

Он смотрел вслед удаляющемуся отряду. Вокруг многие тоже плакали, провожая своих сыновей и мужей, решивших встать на защиту родины.

После отъезда Коу Цзина Чу Цы два дня ходил сам не свой. Древность — не современность, ни быстрого транспорта, ни связи. Следующая их встреча, скорее всего, состоится только перед провинциальными экзаменами. И какой будет сцена прощания с семьёй, когда он сам отправится на испытания, оставалось только гадать.

Их старый дом уже снесли. Если рабочих будет достаточно, то, может, за два месяца отстроят заново. Его невестка скоро должна родить.

«Интересно, кто будет — девочка или такой же сорванец, как Сяо Юань? Наверное, к тому времени, как я вернусь с экзаменов, ребёнок уже научится переворачиваться»

В голове роились сумбурные мысли. Чу Цы сделал несколько глубоких вдохов, отгоняя тоску, вызванную разлукой, и, склонив голову, сосредоточился на книге.

Двое малышей, сидевших рядом и выводивших иероглифы, о чём-то зашептались.

— Братец Сяо Юань, почему это мой дядя уехал, а дядя Чу выглядит печальнее меня?

— Откуда мне знать? — Сяо Юань пожал плечами. — Э-э... может, потому что теперь он не сможет так просто сбегать погулять, хе-хе.

Чу Сяоюань тоже не раз слышал о «Тренировочном лагере Острие». Но его дядя оказался таким жадным, что, сколько бы они с Юй-эром ни просили, так и не взял их туда поиграть. Что ж, теперь справедливость восторжествовала — он и сам туда больше не попадёт.

<http://bllate.org/book/15354/1436860>